

Татьяна Иванько

18+

ЗОЛОТО

ТОМ 7

Татьяна Вячеславовна Иванько
Золото. Том 7
Серия «Золото», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43598402

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93273-9

Аннотация

Заложены кирпичи, установлены брёвна, засеяны поля будущего благополучия и процветания, и возрождение Нового Севера идёт полным ходом, набирая обороты с каждым днём, воодушевляя и придавая сил. Не помешают ли этому демоны раздора и непонимания? Или всё же ангелы любви и прощения окажутся сильнее? Не покинул ли Бог Солнце свой народ и Великого жреца, может ли действительно восстать Север и вновь быть Великим? Смогут ли герои, примирившись и объединившись, продолжить начатое дело? И что их в этом будущем ждёт?..

Содержание

Часть 24	4
Глава 1. Превратности любви	4
Глава 2. Опьянённые	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Иванько

Золото. Том 7

Часть 24

Глава 1. Превратности любви

Ганеш. Я здесь не был много лет. Ещё когда-то мальчишкой, отец посылал меня по городам Севера, чтобы я увидел страну, царство изнутри, не из царского терема, познакомился с порядками, с особенностями каждого города, узнал старост, чем эти города живут, что волнует их жителей. Впоследствии дядья ездили с такими поручениями, не реже, чем раз в год-два. Так Яван и задержался когда-то здесь.

Здесь очень красиво. Окрестности Ганеша, пожалуй, самые красивые на всём Севере. Вокруг города с трёх сторон густой лес, с прозрачной берёзовой рощей на востоке, и высокими, ровными, похожими на мачты соснами на западе и юге. А с севера – огромное озеро в окружении скал и громадных валунов на берегу, уходящее за горизонт. Его громадное зеркало в тихую погоду отражает небо и, кажется, что Ганеш построен в небесных чертогах.

Вот в такую тихую погоду мы и стояли сейчас на берегу

вместе с Авиллой. Думал ли я, что вернусь в этот город вот так, что буду стоять у этого волшебного озера рядом с моей царицей? С царицей заполняющей меня до краёв?

– Красиво здесь, – сказал я Авилле, обернувшись на неё. Она вся золотится в оранжевых лучах заката.

– Хочешь, искупаемся? – засверкала улыбка.

– А увидит кто? – усмехнулся я.

– Царю всё можно. И не увидят. Я знаю местечко, где можно незаметно... – она улыбается, как само солнце никогда не улыбалось мне.

Мы спустились в маленькую бухточку, закрытую со всех сторон громадными камнями, но у самой воды небольшой кусочек берега со светлым мелким и мягким песочком.

Мне приятно смотреть, как Авилла снимает платье, чулки, украшения, подняла руки, пристраивая косы на голове, чтобы не намокли. И улыбается всё это время, глядя на меня. Какое-то счастье просто смотреть на неё. Просто видеть её. Никаких больше разлук. Никогда. Никогда.

– Предупреждаю, вода как лёд, – насмешливо сказала Авилла, глядя через плечо, как я снимаю одежду. И мне хорошо от её взгляда.

– Напугала, подумаешь! – расхрабрился я. – У Солнцеграда купались ведь, там тоже никакого тепла.

Какой лёд... Вода намного холоднее льда. Обожгла кожу, схватила за сердце. Авилла смеётся, по-моему, чтобы не визжать. Проплыв немного, мы всё же привыкли к дикому хо-

лоду, я хотя бы перестал чувствовать, кроме сердца всё во мне застыло. И всё же, вскоре я начинаю чувствовать, что холодно даже моим костям, ногти у меня стали синие...

– Может... – не очень решительно спросил я.

– Поплыли на берег, – улыбнулась Авилла.

Губы у неё тоже посинели. Но не дрожит, плывёт быстро, мощно, едва ли не быстрее меня...

Мокрый песок на берегу кажется горячим после этой воды. Мы смеёмся, огонь на коже... и воздух кажется горячим. И губы её так горячи, но ещё горячее язык за ними. Кожа холодна под моими ладонями, но сердце полно бьётся в груди, и моя рука согревается его биением... Авилла жизнь моя...

Мой маленький отряд отделился от границы Солнцеграда как раз накануне той ночи, когда погиб великолепный город. Мы не успели отойти далеко, гроза застала нас, встали маленьким лагерем. А ночью ужасный грохот со свистом разбудил нас, перекрыв все звуки грозы.

Выскочив из наших шатров, мы ничего, кроме мрака и всполохов молний, ближних и дальних, не увидели. Лишь странная и пугающая тишина расстилалась под грозой. Разве мы могли подумать, что надо посмотреть в сторону оставленного Солнцеграда, тогда в свете молний мы увидели бы всё...

И только наутро, когда вышли и стали сворачивать лагерь, чтобы двигаться дальше поняли, что странным образом из-

менились окрестности: появились множество новых ручьёв, и не от дождя, он окончился ещё до рассвета.

Похоже... Мне стало дурно, когда я поняла это: если бы мы стояли чуть ниже, лагерь наш смыло бы. Когда мы поднялись на вершину ближнего холма, с которого виден Солнцеград и обернулись, мы все замерли в оцепенении: вместо хорошо известных всем нам великолепных видов Солнцеграда, что сверкал на Солнце отблесками от золотой статуи Бога Солнце на площади посреди Солнечного двора, вместо множества затейливо построенных теремов с разноцветными крышами, которые для сохранности от грибков и влаги красили красками, сделанными по древним рецептам на основе тех веществ, солей... или как их там, разбирался только Бел да мои лучшие жрецы... Красили и стены домов. И вот, вместо всего этого, вместо двойной стены вокруг, старой, уже серой и новой светло-коричневой с жёлтыми верхушками, почерневшими, впрочем, после недавнего сражения, вместо всего, мы увидели безмолвный серый настил из потрескавшегося, будто морщинистого льда.

Мы молчали долго, не в силах произнести ни звука, замерев от ужаса перед представившейся чудовищной катастрофой. Холод смерти будто прикоснулся к нам.

– Это... что это такое?... – дрожа, произнёс кто-то рядом со мной.

Белогор не мог этого не предвидеть... Вот почему они и выжидали, не возвращались в город. Он знал. И вернее все-

го, давно. Вот и отдали Дамагою город. Думали, что его накроет здесь, нападения его не ждали, наверное...

Но ждали-не ждали, а он проиграл его... И я вместе с ним. А теперь не осталось даже столицы. Даже столицы...

Мы долго в оцепенении и растерянности стояли, над погибшим Солнцеградом, не в силах не только поверить, но хотя бы осознать, что всё, что мы видим не дьявольское наваждение. Потом, поняв, что мы спаслись, уехав за полдня до произошедшего, замолчали, охваченные страхом и опустошением, и много времени понадобилось, чтобы заставить себя двинуться дальше.

И произошло вот что, чего я ещё не успела придумать или предвидеть: мои люди быстро приписали мне провидение того, что случилось. Получилось, будто благодаря мне мы уехали вовремя и спаслись. Я не спорила. И порадовалась, что их вера в меня оказалась даже больше моей собственной.

Но это, оказалось ещё далеко не всё. И каково же было наше изумление и ужас, когда оказалось, что ни одного города не осталось на Севере...

Мы шли от одного к другому и встречали только небольшие временные поселения, появившиеся в стороне от прежних городов, накрытых теперь ледниками. В некоторых уже началось строительство. И споро шло.

Деревя вокруг сколько угодно, руки умелые, лентяев нет, для себя строят. Строили дома, накрывали досками будущие улицы, чтобы не было грязи. И выстроят, уже к зиме будут

свеженькие города. Пока без стен, пока только для жизни. Но стены возведут, научились о врагах думать...

И нам не рады в этих будущих городках. Не гонят, но и не оставляют, смотрят мрачными зрачками, не улыбаются, до земли не склоняются, как раньше. Потеряла Лунная жрица свой Север. Никто не верит Доброгневе. И скрыть, кто я есть, чтобы подольститься заново, невозможно, кто на Севере не знает меня...

В один из нерадостных вечеров за трапезой кто-то из моих верных жрецов предложил:

– Может быть, уберёмся с Севера вовсе? Пойдём на юг?

А на лицах смятение и страх. Какой юг? Восток или запад? Кому мы нужны хоть где-нибудь...

– Али на восток? – будто мысли мои слышат. – Там тоже большие города.

– Чё же молчишь, Доброгнева? Схоронится тут на Севере негде.

Молчу... Что мне сказать им? Что можно сказать отверженным из-за меня? Из-за того, что мне не удалось ничто из задуманного? Можно пойти хоть к дьяволу, но кто я буду там? Схоронится? Заживо похоронить себя? Но разве это не то, чего я страшусь больше всего на свете?! Больше смерти.

Ещё немного и станет вянуть красота, старость постучит в мои двери, что тогда? Дожить тихонько на оставшееся золото? Но жить никем, в ничтожности я не только не привыкла, не хочу, не могу. Нет-нет, это не для меня, это худшее для

меня.

А может... простят? Ведь никого я не убила. И не приказывала. Не успела, конечно, но они-то не могут этого знать. И Аве напрямую я не угрожала смертью... Скажу, что Дамагой в полон меня взял, тем и заставил...

А что? Его, конечно, казнили уже. Если не погиб в битве, так казнили...

Пойду к ним. Я знаю, они в Ганеше. Со своими всё лучше, чем на чужбине. Может, удастся снова подняться. Верховной жрицей не оставят, конечно, но... Неужто Белогор совсем не ценит мои ласки?.. И Яван?

И почему я Ориксия не удосужилась пообольстить? Всё убивать его настраивалась, а он-то, бабник известный, точно по-другому ценит бы меня тогда. Молодым слишком казался, но молодые мужчины самые восприимчивые, как это я упустила? Такую допустила оплошность, что позволила Аве безраздельно его душу занять. Ах, Доброгнева, хитрейшая из женщин... Я...

Ах, Доброгнева, ошибки допускают все, и мои, похоже, могут решить мою судьбу. Будь Ориксай в числе моих постельных друзей, может быть, мне и Явор не понадобился бы... И почему я была так недальновидна?! Но я слишком хотела и хочу его убить, уничтожить, чтобы никогда его не было, поэтому и не подумала ни разу обольстить его...

Во власти этих сожалений и планов на грядущее, я направила мои стопы к Ганешу.

Нет, Дамагоя ещё не казнили. Я, Дамагой, я – Ольг, последний сын последнего природного царя Великого Севера, содержусь как домашний скот: сыт и в тепле, даже вином и мёдом поят, не обижают, сплю на перине. Но никто ни единого слова не говорит со мной. Никто. Стража, что охраняет меня, что приносит мне еду. Что приносят воды мыться, убирают, готовят и дают одежду, бороду стригут мне... и всё молчком. Ни одного слова, ни доброго, ни злого, ни даже взгляда, ни от кого, будто посмотрев на меня, отравятся. Изощёренный способ пытки.

Я не знаю судьбы Авы, Белогора, даже Доброгневы. Живы они? В том нападении нашем они остались живы или погибли под мечами моих скотов? А где Доброгнева? Пришла сюда и предала? Второе, скорее всего. Она своя среди них, это я успел стать чужаком на моей родине.

За прошедшие недели всё, что я мог – это только подслушивать сквозь стены палатки разговоры проходящих мимо людей. Так я и узнал, что города Севера погибли в одну из ночей, погребённые под сошедшими ледниками... В этот день я едва не умер. Я лёг на спину и не вставал несколько дней. Не мог ни есть, почти не пил даже воду...

Я лежал и думал, это мне наказание за то, что я пришёл и пролил столько невинной крови, за это Бог полностью отнял мой Север. Погубил его. Чтобы он не мог достаться мне. Чтобы я никогда так и не стал царём Великого Севера, он

уничтожил сам Север. Бог мстит мне ещё страшнее, чем могут отомстить те, кто меня ненавидит.

Или я сам – это наказание для Севера за что-то?..

– Оставь, Бел, я не хочу! Не хочу! Оставь! – злится Ава, отталкивая мои руки, выгибаясь из моих объятий. – Как вы осточертели мне!.. Давайте ляжем втроём в одну постель, и станете попеременно взбираться?!

Я отпустил её, она опустилась на лавку со вздохом, прикрыла глаза ладонью, прядки волос выбились из причёски, колты качаются, серьги...

– Прости, Бел, прости!.. Я не знаю, что такое... – и заплакала.

Я понял это по задрожавшим кончикам пальцев.

– Авуша, милая, ну что ты?.. – я присел рядом с ней, силясь заглянуть в глаза. – Я не буду, не плачь.

Она порывисто обняла меня за шею, как ребёнок:

– Белуша, ты прости... прости меня, прости, злюка какая-то... Хочешь, возьми, я не буду капризничать...

Я глажу её по волосам, милая, что удивляться, столько переживаний, к тому же бремя. Не надо плакать, я не стану приставать. Я поцеловал её мокрые глаза, она плачет и плачет, прижимаясь ко мне, я уж мокрый весь от её слёз.

Наконец, стала затихать, вздохнула, положила голову мне на плечо, я посадил её себе на колени. Я держал её так часто, когда она была малышкой. Нередко она вот так плакала

у меня на коленях, если приснится страшный сон или разобьётся. Я всегда был ближе всех, главный утешитель, самый близкий человек.

– Милый мой Бел... – не плачет больше, тихонечко поглаживает меня по плечам, отодвинулась, чтобы посмотреть друг другу в лица.

И мне стало легче и светлее на душе.

– Ну что, легче? – улыбнулся я, вытирая остатки слёз с её щёк, даже веки опухли. – Отплакалась?

Она тоже улыбнулась, кивая, засмеялась даже:

– Дура какая-то, а? – прогундосила она, шмыгая носом.

– Ничего, можно иногда, – смеюсь и я.

Я умылась, высморкалась, стало совсем легко. С Белом всегда легко. Он прощает всё, не обижается никогда.

Совсем не так с Орликом. Мы поссорились сегодня, потому у Бела и раскисла. Поссорились, потому что его желание то же, что всегда, а моё где-то заплутало, пока шли до Ганеша. То ли сам Ганеш так действует на меня, не знаю. То ли потери.

Размазанный Солнцеград, погребённый навеки подо льдом. Сложно чувствовать себя нормально после того, как увидишь, что все города твоего царства, почти все из которых ты успела хорошо узнать, помнишь их улицы, лица, даже запахи, что все они погибли. Это как терять близких людей...

Но Орлик полон сил и воодушевлён. Он вдохновенно

строит новый Ганеш, превращая его в новую столицу нового Великого Севера. И много других городов строятся, они ездят смотреть. Это не тот уже будет Север, да и не Север вовсе, но процветающее и сильное царство.

Яван с ним, он поднаторел когда-то здесь же, борясь с бедствием, есть куда применить свои таланты созидателя, этого в нём хоть отбавляй, я помню. И носятся до глубокой ночи по развернувшимся стройкам по всему городу, прорубают, прореживают лес, не уничтожая совсем деревьев, чтобы от ветров защищали будущие улицы. Город значительно разрастается, благодаря нашему пришествию.

Старую часть решено не трогать, строиться вокруг, таким образом и до того большой и приятно устроенный Ганеш теперь станет огромным городом с внутренней крепостью, ведь стену никто сносить, конечно, не будет, выстроят скоро новую вокруг уже внешнего контура. И границу обозначили, поражая масштабами замыслов. Они такие красивые, окрылённые, когда обсуждают свои планы, разглядывают чертежи, что каждый день несут десятками умельцы, смотреть на них такая радость. Созидание как ничто украшает и наполняет человека. Не главное ли это назначение человека в этой земной жизни?

Бел, как и прежние староста, которого с его должности никто не смещает и местный главный жрец Солнца, что предоставил Белу свой терем для проживания, и остался в помощниках, сочтя это великой честью для себя, все они помогают

молодому царю.

Мы же с Орликом, всем теремом поместились в просторном тереме старосты, тут тоже началась стройка, пристраивают два крыла, чтобы не теснится. К зиме буду готовы.

Перестук топоров, жужжание пил дни и ночи, и неуёмная энергия Орлика постепенно начали переполнять меня раздражением, и чем дальше, тем сложнее мне скрывать его. И вот сегодня мы и поссорились.

С утра мне хотелось спать и совсем не хотелось любиться, как хотелось ему. Но он настаивал, не понимая или делая вид, что не понимает моих отказов: когда я ловила его руки, уклонялась от его губ, не поддавалась объятиям.

И я не выдержала и сказала:

– Орлик, ну... сколько можно?! Днём, ночью, вечером, утром? Ну что неймётся?! – я не могла не скривиться, уже толкаясь и отодвигаясь на обширном местном ложе, надеясь всё же ещё поспать. Как наивно... и как глупо и грубо... Давно огрубела, скитаясь по улицам, городам и весям, которых теперь и нет...

– «Неймётся»?!... – он даже задохнулся. – Ты меня больше не любишь? – Орлик приподнялся, удивлённо глядя на меня.

Впрочем, я не вижу глазами, они так и закрыты, но я знаю. Я вижу мысленным взором его лицо, мальчишески удивлённое и растерянное. Но Орлик, потом, я посплю ещё и... потом... Отстань только сейчас!

– Да люблю, Господи!.. Но ты же... – я отвернулась, сжи-

мая бёдра. – Мне кажется, я и хожу уже с раздвинутыми ногами!

– Ну ты... ты... – он растерянно заморгал и убрал руки от меня, сразу весь отстраняясь. И встал с постели.

Стал зло одеваться, что-то падает мелкое, пряжки что ли?.. Иди, Орлик, дай поспать...

Одевшись, он пошёл было к двери, но вернулся, пнул по стойке кровати босой ещё ногой, хорошо, не кулаком, сломал бы столб:

– Это из-за Ганеша?! – рявкнул он. – Потому что это ваш с Яваном город, да?! – голос сорвался. – Ты его хочешь? Явана?!.. Ты его любила здесь! Ты с ним здесь жила! Ты замуж за него собиралась! Так? Из-за...

Ну, всё, я закипела. Какой теперь, к чёрту, сон?

– Да ты... – я села в кровати, трясясь от злости, – причём тут город этот? Что я виновата, что именно этот город уцелел?! – заморгала я.

– О, ты, конечно, ни в чём не виновата! – преувеличенно, как скоморохи, разыгрывающие сценки, сверкая злыми глазами и зубами, воскликнул Орлик и, подхватив сапоги, вышел прочь, хлопнув дверьми, как можно сильнее.

Поэтому и у Белогора, к которому я пришла, между прочим, поговорить о Дамагое, что до сих пор просто сидит под замком, я и расклеилась вот так.

Но Бел хитрый и мягкий, всегда продуманный стратег, он не вскипает в один миг, как Орлик, даже, если злится, если

обижен. Впрочем, он не обижается, он мимо пропускает такую глупость. И это такая верная, такая мудрая тактика, ею он добивается всего, чего хочет. Тем более от меня.

Он позвал принести сбитня для меня, причём попросил с мятой, для дёрганных беременных дур... Сбитень хорош, сладкий, терпкий при этом и голову немного кружит.

– Бел, надо решать с Дамагом. Сколько мы держать его будем? – сказала я, начав, наконец, разговор, ради которого пришла.

– Ты думаешь, он сбежит? – Бел отодвинул лавку, сесть напротив меня.

Я покачала головой:

– Не сбежит он, его любой удавит, едва он без стражи окажется. Любой, кто с нами в лагере был перед той битвой, – сказала я.

Бел усмехнулся, уселся передо мной со свободой спиной, волосы мотнул за спину, не завязывает сегодня. Качнулись тяжёлой шелковой массой за плечами. Длинные стали, давно не стригся Великий...

– Так что тогда думать о его судьбе? – легко произнёс Бел, сверкнув заиндеветшими вмиг глазами. – Отдать и...

Таких глаз я ещё не видела у него.

– Ты отдал бы толпе? – удивилась я, выпрямляясь.

Неужели он всерьёз? Какой бы Дамагой злодей ни был, он всё же сын царя, моего отца, грязнокровый, ублюдок, но половина в нём нашей, золотой крови.

– Отдал бы, – сказал Бел, тоже выпрямляясь, и его взгляд ещё сверкнул холодной чёрной молнией. – И сам ещё с галереи посмотрел, как они растерзали бы его!

Господи, не может быть Бел так кровожаден...

– Не верю, что ты... проговорила я.

Судорога пробежала по его лицу.

– Что я кровожадный? Зря не веришь, – он опустил глаза на миг, облизнул побледневшие губы. – Дамагой... Дамагой – зло. Он зло во всём, за всю свою жизнь он не сделал ничего доброго. Пролить столько крови, для чего? Чтобы показать, что не боится убивать? Что не сохранил ничего от человека в себе? Или что не имел ничего от человека? Нет, Ава, убить его – это благо.

– Не думаю...

– Что? Что уничтожать зло – это благо?

– Нет, не думаю, что в нём не осталось ничего от человека, – сказала я. – Или, что вообще не было.

Бел, скажи, что ты просто злишься, что ты не всерьёз. Но он посмотрел на меня, чуть прищуривав нижние веки:

– Ты... ты до сих пор... жалеешь его? Как брата? Всё ещё считаешь его... – у него сжались в кулаки руки, лежащие на столе. – Ты его любишь? Как тогда... поэтому и мне ничего не рассказывала?... Ава... – он побледнел даже, и кулаки побелели.

Ну, ещё лучше... и Белу в голову ревность вошла? Новый виток кошмара... Но не о Дамагое же... уж совсем?

– Да ты что, Бел? Совсем не о том я... – пробормотала я. – О неприкосновенности царя... царского рода. Крови, пусть и не чистокровный он царевич, но он как ксай пришёл сюда.

Ну и ну! Что-то витает в воздухе здесь что ли?..

...Она растерялась, действительно, чего это я?.. Я вздохнул, отгоняя наваждение. Выпить мёду, наверное, может, распустит узел на сердце. Я приказал принести.

– Сегодня обед-то... – спросил я, обернувшись.

– Да какой обед, – отмахнулась Ава. – Орлик теперь до ночи глаз не покажет. Поругались мы с утра...

Я обрадовался, но показать не должен, поэтому спрятал усмешку. Зато сразу легче на душе стало, поругалась со своим Орликом, уже отрада.

– Тогда я распоряджусь, поешь со мной. На здешнем Солнечном дворе хорошо готовят.

Ава улыбнулась немного насмешливо:

– Ты забываешь всё время, что я здесь жила несколько лет? Я даже помню кухарок по именам, – смотрит, подпёрла щёку рукой.

Но улыбка скоро растворилась в воспоминаниях:

– Одна в том пожаре погибла, за дитём кинулась в огонь, в тот момент уже кто-то вынес, из окна с другой стороны дома, она вбежала, тут крыша и ухнула. Искры до самого неба... страшно... Как же это было страшно, – Ава побледнела, словно снова видит всё это.

– Много погибло тогда?

– Много... как в лагере, когда Дамагоевы орды налетели... – почти шёпотом проговорила Ава. – Только без крови. Обугленные, скрюченные... и почти сплошь дети. Боялись, прятались, так и гибли... Запах этот по городу витал ещё... – её затошнило вдруг, побледнела, кинулась к кадучке для умывания.

Но не рвало почти. Отдышалась, повернулась ко мне.

– Часто тошнит? – я протянул рушник.

Она посмотрела на меня, утираясь:

– Нет. Почти не бывает... Ты кормить обещал, а сам про покойников разговор завёл, – улыбается теперь, отняв нарядный рушник от лица, – то ревность какую-то придумаешь, как сумасшествие, то вспоминаешь что пострашнее.

Пригладила волосы, украшения, и села к столу, ох, Ава... Ревность... И приучил себя почти не ревновать к Орику, Дамагой – это въелось за много лет. Трудно забыть то потрясение, что обрушилось на меня некогда...

О Дамагое я не могу думать спокойно, меня начинает трясать от злости, когда я думаю о нём. А Орик, похоже, вовсе позабыл, что он существует на земле. Мы скоро месяц здесь, а о пленённом враге ни словом, ни на одном Совете, всё о строительстве, всё о планах на будущее. Оно, конечно, правильно, но с Дамагоем всё же решить надо. Воины ждут от нас решения и казни его ждут. Неправильно держать его живым. Неправильно не осудить его. Я хочу закончить, закрыть дверь в прошлое. В то прошлое, откуда на меня и на всех нас

веет разрушением. Словно не всё порушено ещё.

Я слышал уже, и не раз, разговоры между ратниками, что им странно это промедление. Ещё немного и станут открыто высказывать недовольство.

Мы поели, причём Ава вначале с аппетитом, но он заканчивается у неё всегда очень быстро. Вот и сидит уже, скучая, пощипывая аппетитную лепёшку.

– Что не ешь опять, хотела, – сказал я.

– Я поела, тебе кажется мало? – улыбнулась легонько, сладко даже, правда наелась, щурится как довольная кошка.

– Да ты всегда ела мало, – улыбаюсь я.

Такие моменты очень дороги мне. Когда мы вот так тихо сидим вместе, только вдвоём, даже не разговаривая, полное расслабление, когда не надо ничего говорить, можно только видеть или касаться друг друга. Ничего не надо горячо обсуждать, спорить, решать, думать. Просто быть рядом друг с другом. Просто видеть, ощущать. Мне это не в первый раз напоминает мои мечты быть её мужем. В эти мгновения, мы так близки и неразделимы, как супруги.

Конечно, совсем прекрасно было бы лечь... Лечь, Ава!.. Ну а после вот так снова тихонничать. Но не хочешь, Ава, не позволишь. Что ж, я подожду прилива благосклонности.

Сказать, что я зол, это не сказать ничего. Я и не вспомнил бы о Ганеше, как о колыбели любви Авиллы и Явана, если бы не утренняя ссора. Я отвык от её отказов, всё было

так прекрасно в последние недели, даже погода благоволила, было тепло, солнечно и не жарко, мы ладили с Авиллой во всём, всё так удачно и быстро шло. Дома поднимаются один за другим вокруг города, даже два крыла терема прирастают, и вот-вот переедем в новые покои, седмица-другая, под крышу подведут, красить начнут стены и потолки. И вдруг этот выпад сегодняшней, будто терпела-терпела и выдала.

Боже, Бог Солнце, терпела меня?..

Всякий раз, когда я думаю о том, что она терпит меня, я начинаю слепнуть и сходить с ума. Разлетается вдребезги сердце. Взрываются мысли, уничтожая разум. Сразу вспоминаю её слова о том, кто она и кто я, что я не ровня ей, и «понимаю», что она никак не может любить меня, как я это себе придумываю. Как я мечтал бы. Как она говорит...

Но говорит ли? Сказала, может быть, один раз... но я так хочу верить. А что говорила раньше? Что говорила? Дралась. Да и отдалась только после того, как я уличил её... чтобы я думать о том забыл. Чтобы... и забыл ведь. Да я всё забуду и не вспомню, если...

Ладо, неужели едва терпишь меня?.. Неужели только терпишь? Я дышать неспособен вдали от тебя, я схожу с ума от желания даже при мысли о тебе, что говорить, когда вижу тебя, когда ты рядом... А ты упрекаешь меня в чрезмерности...

Мне больно и тошно... И возвращаться в терем не хочется. И видеть её, чтобы видеть, до чего она совершенна, зо-

лотая царевна, а я простой сколот... кто мои предки, кто её. Она от Бога ведёт род, я от ловкого всадника, что смог выдвинуться среди собратьев доблестью и удачей, только и всего. Конечно, мы не ровня. И что ей любить меня? Как ей любить меня? Хотя бы я был красив, как Яван, можно понять, но что ей во мне? Что ей любить во мне? Не выдержала. Не хочет спать со мной. Не хочет больше. Злится даже...

Ах, Боже мой, как мне выжить теперь?..

– Ты не слышишь, что ли? – Яван смотрит удивлённо.

Я обернулся, озираясь, будто в сон погрузился на несколько мгновений, так далеко унёсся мыслями. О чём, интересно, он спрашивал... Я посмотрел на него, ожидая, что он повторит...

– Я говорю, многие спрашивают, можно ли в два и в три этажа дома строить?

Спасибо тебе, Яван...

– Можно, – облегчённо сказал я. – Пусть строят хоть в пять. Места на земле будет меньше занято, что расплзаться по всему лесу. И так уж растянули город, так пойдёт, из конца в конец полдня ехать будем. И улицы пусть не мельчат и не узят.

– Орик, в пять этажей – это будет выше царского терема, так не пойдёт.

Я усмехнулся:

– Пусть в пять ещё сумеют возвести, сколько царской терем – три?.. Кто покажет, что может в пять этажей, пусть

придёт ко мне, может, я ему поручу и царский терем пере-
строить.

– Как скажешь, государь, – сказал Яван и махнул сивогривому мужику с волосами, перехваченными на лбу кожаной тесёмкой, тут в Ганеше многие так перехватывают волосы – на лицо не падают, и не стригут как я виски.

Мы снова сели в сёдла, теперь всё строительство пешим не обойти, ноги собьёшь, передвигаемся верхами.

– Стену вокруг не начали ещё возводить? – спросил я.

– Самый большой высокий кругляк везут, – ответил Яван, – издалека, из самой чащобы, чтобы не меньше чем в пятьдесят локтей высотой.

Я смотрю на обширную стройку. В других местах, куда ушли жители из погибших ныне городов, тоже широко разворачиваются. Новое царство будет страной городов. И уже скоро.

– Ров ещё надо будет вырыть. И мосты накидные, чтобы можно было опускать и поднимать, делая неприступной крепость. Хватит, в дрёме жить, готовыми надо быть отражать набеги.

Яван засмеялся:

– Кто лучше скелота поймёт намерение другого скелота?

– И окромя скелотов вороги отыщутся в изобилии, – сказал я.

Я засмеялся бы тоже, если бы яйца мне не давило недовольство моей жизнью. А так я не способен даже усмехнуть-

ся. Поэтому я просто отвернулся.

Обедать в терем я не поехал, Явана отпускал к семье, но он остался со мной. Лучше бы к жене пошёл, а так мне лиш- ний повод думать, что ему со мной лучше, чем с Веей. Если бы на общую трапезу поехали, точно бы пошёл. Не могу не думать о том, что...

Я обернулся на него, чёрт, до чего же он красив всё же, профиль гордый, волосы русыми волнами, глаза светятся кусками безоблачного неба. А я, рыжий, зубастый, храплю по ночам...

– В каком доме вы жили здесь с Авиллой? – спросил я и разозлился на себя. И что выскочило из меня?..

Яван посмотрел на меня и, помолчав, ответил странным каким-то, глухим, не своим голосом:

– Я никогда не жил с Авиллой, Орик, – сказал он. – Я знал Онегу.

Я промолчал на это, вечная чёртова уловка, будто от то- го, что по-другому назовёшь горшок, ты его в печь не поста- вишь!

Но Яван продолжил, пытаясь убедить меня в том, во что не верит сам:

– Авилла меня никогда не любила, любила другая женщи- на, – стараясь не вибрировать голосом, проговорил он. И, посмотрев на меня добавил: – И если тебе так уж интересна моя жизнь, я покажу, конечно, тот дом.

– Любила тебя? Ты был счастлив с ней? – вскинулся я.

Захлестнуло болью сердце, будто петлю накинули и сдавили, сейчас задушат...

Он помолчал, поморщился как от боли, отворачиваясь:

– Тебе это приятно – ковырять во мне мои самые больные раны?.. – Яван нахмурил светлые, в точь как мои, брови, только и есть сходства с этим красавцем, что брови... – Вон тот дом.

Он вытянул руку и показал на ладный и довольно большой дом у старой городской стены, с большим двором.

– Её сложно любить, – продолжил он.

Наверное, без умолку мог бы говорить о ней и о том, как это – быть с ней. Если бы я позволил он говорил бы весь день? А то, может и месяц...

– ...И не любить – всё равно, что не жить. Как с ней – ни с кем. Боль и сладость...

– Замолчи! – не выдержал я. – Замолчи или убью тебя!

Я захотел акинаком махнуть его сейчас же за то, что он так много знает о ней...

Какого чёрта я взялся расспрашивать его?! Зачем обнажаюсь? Я не делаю так. Но что я делаю вообще?..

Сколько времени прошло, сколько мы объехали и осмотрели строек, поговорили с мужиками-строителями, надышались запахом свежей стружки, когда совсем стемнело. И только когда уж совсем в ночи едем к терему, где останется только спать и мы устали с Яваном, однако он вдруг спросил вполголоса:

– Когда мы соберёмся решить судьбу Гордоксяя?

Я посмотрел на него. Все, похоже, решили, что я забыл о нём. Но я не забыл. Дело в том, что я не решил для себя, что я хочу сделать с ним. Хочу ли выслушать. Или хочу сразу убить. Но если не выслушать, это не узнать что-то, что очень важно для меня, для понимания Великого Севера, ведь он плоть от плоти последний царь, как ни крути. И то, что он незаконный, только обостряет все качества его отца в нём.

Но если слушать его, неизбежно выступит на поверхность всё, что касается Авиллы и того, что происходило между ними. А хочу я это знать? Хочу ли слышать ещё раз?! Вот как сегодня, не мог не спросить Явана, но слышать его ответ оказалось выше моих сил. Пусть он хоть сотню раз твердит, что то была другая женщина. Пусть даже сам пытается в это верить.

– А что бы ты сделал с ним? – спросил я Явана.

– Ты о казни? Как его казнить?

– Разве это важно, Яван? Отрубить ему голову возле нужника в темноте ночи или разодрать четырьмя конями принародно, чтобы все, кто потерял близких в той бойне, что он устроил, могли насладиться мстостью? Ясно, что он умрёт. Но что делать до этого? Устроить широкий суд при всей рати? Или только на Совете? Или вовсе убить тайно? Или вначале вырезать ему язык, пытать, а после отдать толпе?

– Ты не можешь решить этого для себя? Что говорит царица об этом?

Опять?! Что за день сегодня, хотят, чтобы я от самых дурных моих чувств и мыслей взорвался?!

– Царица?!

– Это же её брат, в конце-концов. И... кроме того...

– Решим днями, – я оборвал его, достаточно на сегодня, мне сердца не хватит слушать всё это.

Мы вошли в терем, Яван свернул к своим покоям, наконец, оставил меня одного. Мне не хочется идти к Авилле. Если она так же холодна и язвительна как утром, лучше переночевать в какой-нибудь каморке...

Неужели и правда едва терпит. Неужели так и не полюбила меня?... Так и не полюбила? Я всё полнее, а у неё в сердце пусто? Я развернулся и вышел из терема.

Я не могла уснуть долго, ожидая Орлика. Он так и не пришёл. Не знаю, сколько прошло с полуночи, отсюда не слышны моления на Лунном дворе, когда я, наконец, заснула после того как напилась крепкого сладкого сбитня, тогда только я согрелась и, размякнув, заснула.

Но и утром его не было. Я лежала в постели почти не смятой, пышным нетронутым облаком перины, торчащей рядом со мной, и думала о том, что моя несдержанность и глупый каприз ранил его, моего милого Орлика. Милого, такого милого моему сердцу, что оно болит теперь, когда его не было весь день и всю ночь рядом со мной. И всего лишь из глупой бабьей несдержанности. От грубости моей проклятой... Ах,

Орлик...

Ведь даже повода не было ссориться. И разве не рада его прикосновениям, его ласкам?

А что, если он к Лилле отправился? Ничего особенного, ходил ведь. И она-то не откажет никогда, ума и терпения к слабостям мужчины хватает, а я... Мне стало страшно.

Ох... я села в постели. Солнце заливает просторную горницу, ветер приятно путешествует по всем закоулкам, овеивает тело сквозь рубашку тонкого белёного полотна. Поблёскивает на золотом кувшине возле обширной лохани для умывания. Сейчас и деток принесут...

Как же глупо всё. Чего я добиваюсь? Как он сказал: «Конечно, ты не виновата!», сколько яда заключил в каждый звук и жест.

Ещё бы... я виновата перед ним. Я не просила прощать и не просила терпеть, и виновата куда больше, чем он может предположить. И сознавая это, я устраиваю ему такое подлечее утро. Какая глупая дрянь! Какая негодная жена. И ещё более негодная царица.

Как Милана говорила, мужчины быстро охлаждаются к жёнам? Особенно, если они такие дуры.

И что делать, если он... если и, правда, у Лиллы? А если не у Лиллы, а ещё у какой-нибудь местной чаровницы? Царь есть царь, наложниц у него может быть хоть на каждый день года. Хоть по две.

А разлюбит меня? Что ему за меня держаться? Я даже на-

следников уже родила ему. Дочери теперь будут ещё до Весеннего Равноденствия, то бишь до Нового года. За месяц, а то и недель за шесть. Он никогда раньше не продолжал отношений со своими беременными наложницами. А я...

Авилла, как ты глупа и самонадеянна. Почему глупость, самый большой порок и проклятие любого человека, овладела тобой?! А чёрствой дрянью ты была всегда...

Заглянула Люда, улыбается, ребяток принесли.

– Солнцелик чихал с утра, – сказала она.

– А Ярчик?

– Нет, только оглядывается удивлённо на брата, – смеётся Люда.

Золотые дети болеют редко...

Глава 2. Опьянённые

Я не ожидал прихода Орика этой ночью. Я ещё не спал, когда заглянул служба объявить, что пожаловал Ориксай. Я отложил книги, и свои записки, оставив закладки, чтобы не вертеть потом в поисках оставленного места. И поднялся из-за небольшого стола, за которым сидел.

Орик вошёл усталый, серый от усталости. В серой простоватой рубаше, промокшей от пота под мышками, волосы – спутанные кудри.

– Ты что это? Случилось чего? – немного беспокоился я, разглядывая его.

– А?.. – растерянно поговорил Орик. – Нет, – мотнул кудрявой головой. Переночеватьпустишь?

Странно. Ава говорила, что поссорились, так серьёзно, что он спать к ней не пошёл?

Но государю отказа быть не может.

– Ночуй, пожалуй, только здесь не слишком просторно у меня, но я тебе своё ложе уступлю, оно тут обширнее, чем в моём тереме было.

Он покивал, развязывая пояс. Будто и не слышит.

– Да, кровати у них тут в Ганеше... для великанов делали что ли? – пробормотал Орик, задумчиво.

– Сейчас баню прикажу, – сказал я.

– Что, духмяный? – усмехнулся Орик невесело, поглядев

на меня.

– Да не без этого. Опять же, после бани и спится слаще.

– Может, и вином напоишь?

– Для государя всё найдётся, Орик.

После Авиных сегодняшних выходов, слёз, удивляться, что Орик так странно появился у меня, не приходилось. Воображаю, чего он наслушался, если спать домой не пошёл. Небось, и сам в долгу не остался. Но расспрашивать царя о таких вещах не след, тем более что мне примерно ясно.

Я успокоил бы его, уговорил, не принимать близко к сердцу капризы беременной жены, причём так, что он помчался бы обратно, ещё и прощения бы просил и помирились бы. Конечно, я сделал бы это, если бы не испытывал сейчас мстительной радости от того, что его, кого Ава так любит, к кому я ревную до безумия, отвергли. Меня сегодня отшвырнула, но и ему досталось. Пусть на один день, но всё же выгнала из спальни.

Орик вернулся из бани, переоделся в рубаху, что принесли для него из мягко сотканного жатого льна, я сам люблю такие, от них тепло и не жарко, они не натирают кожу.

– Твоя рубашка? – спросил Орик, оглядывая её, прежде чем надеть на своё стройное красивое тело.

Такой стройный, тонкий даже, и такой сильный, удивительно. Хотя, что удивляться, вона, какие мышцы играют под гладкой светлой кожей... Да и не мышцы, сила-то разве в них. В нём самом сила. И поболе моих, магических и всех

чудесных...

– Нет, моя тебе коротка оказалась бы, – усмехнулся я.

– Мягкая. Мои ломкие, жёстче, – Орик ощупал ткань на рукавах.

– Так ты заказывал бы такие.

Орик посмотрел на меня:

– Ты, я слышал, сластолюбец. Потому и знаешь о таком чудесном полотне.

Я засмеялся:

– Не поверишь, но я и кожи отменной мягкости могу тебе порекомендовать. Нашьешь штанов себе. Рубах. Это не всякий замечает, какая ткань, какая кожа. Коли заметил, стало быть, и тебе надо. Я тебе скажу, какие купцы здесь, в Ганеше торгуют такими.

Орик посмотрел, качнул головой:

– Уже? Умеешь ты устраиваться, Белогор, я смотрю, и покои у тебя уютные, вона, как всё красивенько ровно стоит... Авилла такая же, тоже любит, чтобы всё в линейку, по росту... Вы, златокровые, все такие что ль?

Я пожал плечами. Ава такая, да, а каковы были все другие наши с ней единокровные сродственники, какие имели привычки, я не интересовался, близок ни с кем не был. Так что, нечего мне ответить на этот насмешливый вопрос.

Принесли ужин очень лёгкий, запечённых перепёлок, вина, мёда, лепёшек и сливок со сметаной.

– Ты, Орик, лучше мёда на сон грядущий выпей, не ту-

манься вином, поздно, будет сердце колотиться, спать не давать, – сказал я, глядя, как он взял кувшин с вином.

Орик посмотрел на меня:

– Сердце, говоришь?.. – но кувшин оставил, налил мёду.

Ел без аппетита, молча и мрачно, мне казалось, он хочет что-то спросить, но то ли не решается, то ли так устал от своих собственных мыслей и мук, что не имеет сил говорить. Поэтому говорю я, без умолку болтаю, рассказываю о том, что здесь, в Ганеше рожают, оказывается, больше, чем в Солнцеграде, что болеют меньше, и стариков много, живут дольше.

– Думаю, здесь, Ориксай, у здешних людей настрой на жизнь намного сильнее, чем где бы то ни было. Поэтому и не поддавались на гнилые выдумки заговорщиков наших. И сирот брошенных нет. Везде на Солнечные и Лунные двory берут, в ученики, кто постарше к ремесленникам. А тут в семьях живут, как своих воспитывают, и учат своему делу... – рассказываю я с воодушевлением. – Хороший город.

– Почему? – Орик поднял голову, в глаза возвращается присутствие.

Где ты был, Орик? Впрочем, я знаю, где. Как удивительно мне в нём, кого я так хорошо знаю, видеть такого огорчённого влюблённого, помнится, он по смерти наложниц так не расстраивался. Как говорила некогда Доброгнева: «Сердце отверзнешь царевичу», я не верил, что это может быть. А она, передо мной сидит, бедняга, сам не свой, всего-то –

поссорились.

– Вопрос, – ответил я. – Ты как думаешь?

– Это Явана надо спросить. Он здесь два года просидел. И сейчас, прямо помолодел, порхает, сияет, не пьёт ни капли, – ответил Орик с плохо скрываемой злостью.

– Даже не пьёт? – удивился я, ни для кого из нас, тех, кто был близок царской семье, не было секретом, что Яван сильно нажимает на вино, а иногда и на дурманы разнообразные с наших дворов и с Солнечного с Лунного. Нехорошие, злые дурманы. И он здесь не пьёт теперь?

– С чего, интересно? – брякнул я, не подумав.

И понял свою ошибку сразу. Яван – вообще тема тяжёлая, а тем более Яван и Ганеш. И особенно сегодня, когда Орик и Ава... Может, как раз на этой теме и поругались?

Он загорелся, факела не надо к стогу этому подносить...

– С чего?! – воскликнул он.

Вспыхнули глаза бешеным огнём, и что я язык себе не прикусил?!

– Ты у своей милой Авы спросил бы?! Ты же Авой её зовёшь?! – имя «Ава» Орик произнёс приторно сладким тоном, ломая голос, ревнует и ко мне ужасно... – Вот и спроси, чего твоя прекрасная Ава именно в этом прекрасном городе взялась с ума меня сводить?!

Я смотрю на него молча, ожидая, что же ещё он выдаст, прежде чем сердце перестанет гореть злостью. А он вопит сам не свой:

– А я сам тебе скажу: тут она так любила Явана, что он всё был готов бросить! И бросил!.. Но ты притащил её насильно мне в жёны! – даже палец в меня выставил, как пику. – И теперь, здесь, она не может об этом не помнить! До того, что выкинула меня опять из постели! Царя и мужа! – выкликнул и повторил возмущённо ещё раз: – Царя и мужа!

И шархнул кулаком вдоль стола, смахнув на пол и тарелки, и кубки, и кувшины, наведя полный раскардаш в моей чудесной горнице. Ну, может всё теперь?

– Давай спать ложиться, царь-государь, – сказал я, с досадой разглядывая безобразие на полу. Хорошо, ковров не успели настелить здесь.

Ориксай нахмурился, потирая лицо ладонью. Всё же взрыв полезен, Орик чуть притих.

– Была у тебя сегодня? – глухо спросил он, дождавшись пока служки, убрали грязь с пола и ушли.

– Ты... спать давай, – сказал я, садясь на широкую лавку, где мне приготовили постель.

Орик встал, смотрит на меня:

– Дураком меня влюблённым считаешь? – даже голос ссохся у бедолаги.

– Слушай, ты, чего от меня-то хочешь? – я посмотрел на него снизу вверх. Ещё немного и я проникнусь к нему сочувствием.

И вдруг я подумал, будто вспомнил: когда у них всё хорошо, и мне ведь хорошо, а вот они рассорились и я получил.

Может помирить их, правда? Ох, черти...

– Орик, – сказал я. – Ты... если, правда, такой влюблённый, какого чёрта ко мне спать пришёл? Подумаешь, поссорились... Ава тяжёлая, в крови то пусто, то густо, то мутит, то сны страшные снятся, то слёзы льёт, то хохочет, ну что ты, второй раз беременная, не привык? Да и мало у тебя было уже брюхатых? Все они дурят. Без бремени-то дурят, а так – подавно...

Он вздохнул, будто крышку открыли на котле, уже меньше стал бурлить. Сел со мной рядом прямо на тканое моё одеяло. Пахнет так славно – горячей силой. Конечно, как не любить такого?..

– В тот раз не была вроде такая... – задумчиво проговорил он. – А тут... Ганеш этот... Яван, как куст жасминовый расцвёл...

Я покачал головой:

– Знаешь, что я тебе скажу, Ориксай прекрасный? Был бы нужен Аве Яван, никто и никогда её от него не оторвал бы. Как от тебя. Ты слышал бы, что она думала о тебе до вашей встречи! – я не боюсь это говорить, зная, как всё переменялось и, зная, что они не очень ладили поначалу.

– Ведь... Именно на Аву ставила изначально Доброгнева. И кому было выгоднее всего и легче всего заговор этот поддержать и остаться одной на троне? – я смотрю на него.

Он повернул голову, вспомнил, слава Богу.

– Вот то-то и оно, – продолжил я. – А ты, всё перезабыл,

к Явану прицепился, вспомнил, тоже мне... Спрашиваешь, была здесь? Была. Рыдала в три ручья до рвоты, вона, рвало в кадушку... себя корила, еле успокоилась... Так что... и ты успокойся и спать ложись. А завтра сам поймёшь, что делать...

Он смотрит как ребёнок, которому отменили наказание. Ох, это ты наказание для меня...

– Всё, вали на ложе, не мни мне одеяло, расселся... – я толкнул его в плечо.

Орик улыбнулся, сначала в глаза вернулась улыбка, искорки радостные заиграли. Ох, пацан ты, вечно пацаном будешь. Твоё счастье... Но и моё, наверное.

Утром Яван, весьма удивлённый, застал Орикса завтракающим со мной.

– Это что у вас, заговор новый? – изумлённо проговорил он, снимая шапку у входа.

Мы обернулись к нему оба:

– Ага, против Ганешских красавцев, – усмехнулся Орик, глядя на меня, я подмигнул ему, поддерживая, действительно, сложно нам обоим не завидовать красавцу Явану, который купался в счастье здесь. – Но не бойсь покамест, ты у нас ишшо только под приглядом.

Яван снисходительно покачал головой, понимая нашу с Ориком насмешку, и взялся за дверь:

– Я подожду тебя на дворе.

Ночь у Белогора и, особенно, разговор с ним, облегчили

мне сердце как ничто. И, когда я вышел из терема к Явану, я сказал ему, что поеду в терем. Он во второй раз за утро изумлённо посмотрел на меня.

– Без меня поезжай сегодня на стройки, Яван, вечером на Совет соберёмся, – добавил я, уже в седле, разбирая поводья.

Когда я вошёл в нашу горницу, застал там и Авиллу, и детей. Люда почему-то смутилась моего неожиданного прихода, но Авилла посмотрела так, что я понял, как правильно поступил, что пришёл и не промедлил до вечера.

Не успел я снять шапку, и, бросив её у порога, подойти, как Солнцелик вдруг чихнул, а Ярогор уморительно вздрогнул от неожиданного звука, удивлённо округлив глаза. Я засмеялся вместе с Авиллой и Людой.

– Не заболел? – спросил я.

– Я отвезу к Белогору, пускай уберёт это чихание, – сказала Авилла, продолжая улыбаться.

– Обоих повезёшь? – спросил я.

Люда смутилась ещё больше. Но Авилла сказала с тихой улыбкой глядя на наших сыновей:

– Их разлучить нельзя.

Мальчишки скоро начали капризничать, проголодались, как сказала Люда, она взяла их, как были с голыми задиками, и унесла, оставив нас с Авиллой вдвоём. Она посмотрела на меня:

– Ясный... пришёл. Простил меня?

...Это такая радость, что она так смотрит, что так говорит.

...Такая радость, что ты пришёл! Что смотришь так, что
опять светлым небом полны твои глаза. Ясень. Как я обиде-
ла тебя вчера, что ты целые сутки не приходил, милый мой
Ясный, не уходи больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.